

ASYA QUI

НЕНАВИСТНЫЙ
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Asya Qui

Ненавистный телохранитель

«Литнет»

2025

Qui A.

Ненавистный телохранитель / А. Qui — «Литнет», 2025

Вздыхаю. Готовлюсь лицезреть очередного амбала. Поднимаю глаза. Мужчина, переступивший порог моего кабинета, вообще не вписывается в тот паноптикум, который я наблюдала последние два часа. Никаких гор мышц, распирающих ткань. Темно-синий костюм сидит на нем так, словно сшит на заказ. Движения... экономные. Никакого лишнего шума, никакой попытки занять собой все пространство. Он просто входит и останавливается. Вдоль позвоночника неприятно прокатывается холодок. Какого черта я вдруг выпрямляю спину и втягиваю живот? Это мой кабинет. Я здесь наниматель. — Проходите, — указываю на кресло, стараясь, чтобы голос звучал максимально сухо. Он садится. Бесшумно. Опускаю взгляд в распечатку, которую мне только что переслал Игорь Петрович. — Александр Вороновский. Тридцать три. Частная охранная компания «Щит». Бывший спецназ, — поднимаю голову, встречаясь с этим его непроницаемым взглядом. — Убедите меня, Александр, что вы не очередная трата моего времени. Почему я должна нанять именно вас? Он не шевелится. Даже не моргает. — Я пока не решил, хочу ли на вас работать.

© Qui A., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Ева

Челюсть скоро буквально треснет пополам. Еще пара минут. Просто держи эту чертову улыбку, Ева. Не моргай слишком часто и не дай им заметить, как сильно тебе хочется задушить каждого журналиста в этом зале. Кондиционеры сдохли еще час назад, и воздух теперь намертво пропах дорогим парфюмом, потом и отчаянием конкурентов.

Наконец, я вижу, как на последнем диктофоне гаснет красный огонек записи. Репортер кивает и отступает. Слава богу.

Расталкивая стайку наших джуниоров, ко мне сквозь толпу прет Макс. Он молча впикивает мне в руку узкий бокал.

— Пей, — командует. — У тебя такое лицо, будто ты сейчас начнешь откусывать людям головы.

— Только если они зададут мне еще один идиотский вопрос про «каково это — быть слабой женщиной в суровом мире IT», — бормочу и делаю крошечный глоток.

Кислотины. Морщусь.

— На вкус как жидкость для снятия лака.

— Сфокусируйся на позитиве, — Макс придвигается ближе, понижая голос. — Ты только что размазала весь совет директоров «ТехСтрим» по стенке. Я думал, их гендира инфаркт шарахнет прямо у сцены, когда ты вывела на экран нашу аналитику.

Ага, пусть глотают. Они хотели потопить мой алгоритм еще на стадии бета-теста. Я потопила их первыми. Но адреналин постепенно отпускает, оставляя после себя зудящее, противное чувство незаконченности. Пока нет подписей — нет победы.

— Что у нас по факту?

Он вздыхает и достает телефон. Тут же шурится, поднося экран чуть ли не к самому носу.

Господи, за что? Купи ты уже линзы, упрямый идиот. Меня просто вымораживает эта его привычка.

— Четыре компании подтвердили мгновенно, — говорит, продолжая шуриться. — Еще шесть хотят «внимательно изучить техническую документацию со своими независимыми аудиторами». Что в переводе с их корпоративного языка означает...

— Что они уже заглотили наживку, но им нужно сделать вид, что они еще что-то решают, — заканчиваю.

— В точку. Мы выиграли, Ева. Расслабься. Просто вынь этот титановый стержень из спины хотя бы на пять секунд.

Выиграли. Какая-то крошечная, глупая часть меня действительно хочет выдохнуть. Рассмеяться. Дать ему «пять». Но я знаю, насколько тонкий лед у нас под ногами. Один сбой серверов, одна ошибка в коде — и мы снова жрем лапшу быстрого приготовления в подвальном офисе.

— Я выну стержень из спины, когда увижу уведомления о переводе средств на наших банковских счетах, — ровным тоном отвечаю.

Телефон в кармане пиджака коротко вибрирует.

Достаю. Неизвестный номер. Обычно такие звонки летят прямиком в блок — для спама у меня есть пиар-отдел. Но сейчас... А вдруг кто-то из этих сомневающихся инвесторов решил набрать напрямую, в обход протокола?

Делаю полшага в сторону от Макса, затыкая свободное ухо пальцем из-за гула в зале.

— Ева Соловьева.

В ответ — ничего. Вернее, не совсем. Какой-то глухой, шуршащий звук. Будто кто-то медленно водит куском плотной ткани прямо по микрофону.

— Алло? Плохая связь, перезвоните...

Что за черт? Холодок неприятной иглой колет основание шеи. Тело реагирует на какую-то невидимую угрозу быстрее, чем мозг успевает ее проанализировать.

Звонок сбрасывается. Секундная пауза, и экран вспыхивает от нового входящего сообщения. С того же номера.

«Наслаждайся аплодисментами, Ева. Скоро свет выключат навсегда».

Я тупо пялюсь на экран. Seriously? Мы что, в дешевом детективном сериале из нулевых? Какой-то обиженный жизнью конкурент, чей код оказался слабее, решил поиграть в маньяка? Жалкое зрелище. Даже фантазии не хватило на что-то менее клишированное. Но пальцы почему-то впиваются в грани телефона так, что белеют костяшки.

— Кто там? — Макс нависает прямо над моим плечом.

Личное пространство? Нет, не слышали.

Быстро жму на кнопку блокировки и небрежным движением отправляю телефон обратно в карман.

— Да боты развлекаются. Предлагают либо пройти курс по крипте, либо купить китайскую виагру со скидкой. Прямо разрываюсь от выбора.

Жду его обычного короткого смешка. Очередной шутки в ответ. Но Макс молчит.

Поднимаю на него глаза. Лицо у него серое. Кожа вокруг глаз натянута, а между бровями залегла глубокая складка.

— Макс?

Он быстро обводит взглядом зал, где наша команда все еще радостно чокается бокалами.

— Нам нужно выйти, — его голос падает на октаву, звучит глухо и напряженно. — Прямо сейчас.

Глава 2

Пиджак летит куда-то в сторону кресла для посетителей. С размаху опускаюсь в свое рабочее кресло. Прохладная кожа обволакивает спину. Господи. Наконец-то. Скинуть бы еще эти туфли, но Макс уже закрывает за собой дверь кабинета.

Щелчок замка бьет по натянутым нервам.

— Выкладывай.

Все, чего я сейчас хочу — это забраться в обжигающе горячую ванну. Налить себе бокал шираза. И чтобы никто, абсолютно никто не трогал меня как минимум часов двенадцать.

Но Макс не садится. Он молча подходит к моему столу, разворачивает свой ноутбук экраном ко мне и двигает его по полированной столешнице.

— Твой адрес утек в сеть.

Смотрю на него. Потом на экран.

— И что? — голос звучит ровно, хотя желудок уже скручивает. — Мой адрес легко пробить по базам. Курьеры, доставка, налоговая. Сюрприз века.

Макс опирается костяшками пальцев о стол и нависает надо мной. В его глазах нет и тени обычной иронии.

— Ева, ты не поняла. Там не просто адрес. Там план твоей квартиры. Марка и серийники камер видеонаблюдения в подъезде. Коды от домофона. И твой гребанный график. По минутам. Вплоть до того, в какой кофейне на Петроградке ты берешь свой утренний кофе по вторникам и четвергам.

Меня будто окатывают ледяной водой. Липкое, мерзкое чувство.

Впиваюсь ногтями в подлокотники кресла. Спина выпрямляется автоматически.

— Кто слил? Артём уже отследил IP?

— Артём наткнулся на это случайно. Успел зачистить исходный пост, но ты же понимаешь, как работает даркнет. Зеркала, копии. Инфа уже пошла по рукам.

Просто блеск. Вишенка на торте моей идеальной пятницы.

— Когда? — спрашиваю, глядя прямо ему в глаза.

— Что «когда»?

— Когда именно Артём это нашел?

Макс отводит взгляд. Всего на долю секунды, но мне этого хватает. Он трет переносицу, шумно выдыхая.

— Вчера вечером.

Воздух застревает в легких.

— Вчера?! — резко подаюсь вперед. — И ты молчал? Вы оба знали, что по сети гуляют мои данные, и ты решил, что мне эта информация ни к чему?!

— А что бы изменилось, Ева?! — он тоже повышает голос, упираясь руками в стол. — Мы бы сорвали презентацию! Ты бы всю ночь просидела, глядя в глазок двери, накрутила бы себя до панической атаки. И сегодня на сцене стояла бы не железная Соловьева, а параноик с дергающимся глазом. Я защищал проект. И тебя.

Я бы реально посыпалась. Потеря контроля — мой главный триггер. Если бы я знала, что кто-то следит за каждым моим шагом, я бы не смогла сегодня улыбаться в камеры.

Но признать его правоту вслух? Еще чего.

— Ты лишил меня права выбора, Максим, — чеканю каждое слово. — Больше никогда так не делай. Моя безопасность — это моя зона ответственности. Что сделано по факту?

Он откидывается назад, шумно выдыхая. Понимает, что буря миновала. Пока что.

— Доступы в подъезд сменили. Сигнализацию перепрошили час назад. Но Игорь Петрович рвет и мечет.

— Наш безопасник всегда рвет и мечет, это его работа, — фыркаю. — Пусть поставит еще пару камер у меня на этаже.

— Он требует нанять личную охрану. Телохранителя.

Замираю. Охрану? Мне?

Вскакиваю с кресла. Ноги сами несут меня к панорамному окну.

— Исключено. Даже не обсуждается.

— Ева, включи мозги...

— Это ты их включи! — разворачиваюсь на каблуках. — Ты представляешь, как это будет выглядеть? Я, гендиректор IT-компании, везде таскаюсь с мордоворотом за спиной? Да меня живьем сожрут!

Они только этого и ждут. Все эти мужики в дорогих костюмах, которые пять лет назад снисходительно хлопали меня по плечу, мол, «поиграйся в стартап, девочка». Я зубами выгрызала свой авторитет. Доказывала, что мои решения стоят больше, чем их. А теперь что? Признать, что я слабая? Что мне нужна нянька, чтобы дойти до машины?

— Пусть шепчутся, — Макс делает шаг ко мне. — Это не шутки, Ева. Тот, кто собирал на тебя досье — не просто фанат. Это профессиональная слежка..

— Я сказала — нет. Усильте охрану в бизнес-центре. Проверяйте пропуска. Но никаких амбалов, дышащих мне в затылок. Точка.

Раздается стук. Дверь приоткрывается, даже не дожидаясь моего ответа.

На пороге стоит Аня. Моя неубиваемая, стрессоустойчивая секретарша, которая обычно разруливает конфликты одним поднятием брови. Сейчас она белая как мел. Пальцы судорожно комкают край планшета.

— Ева Андреевна...

— Аня, я же просила не заходить, — раздражение вспыхивает с новой силой.

— Там... полиция, — ее голос дрожит, срываясь на какой-то жалкий писк. — В холле. Желудок делает резкий кульбит.

— Полиция? Зачем?

— Они просят вас спуститься на парковку. Это касается вашей машины.

Глава 3

Стою напротив моей машины. Вернее, напротив того, что осталось от моей черной Теслы. Лобовое стекло проломлено внутрь, превратившись в мутную крошащуюся воронку. Вдоль водительской двери тянется глубокая, с содранной до металла краской, царапина. Кто-то работал методично и с явным удовольствием.

Рядом топчется начальник смены охраны. Здоровый лоб, который сейчас старательно вжимает голову в плечи, изучая носки своих ботинок.

— Два шлагбаума, — говорю тихо. — Система распознавания номеров. Магнитные ключи для спуска на минус первый уровень. Валера, ты мне сейчас скажешь, что это полтергейст с монтировкой развлекался?

Охранник покрывается красными пятнами.

— Ева Андреевна... Мы периметр держали. Я клянусь. Там слепая зона образовалась.

— Слепая зона? Прямо над моим парковочным местом, за которое компания платит астрономические суммы?

— Сервер завис. Камера именно в этом секторе ушла в ребут на пятнадцать минут.

Какое поразительное, сука, совпадение. Сжимаю зубы так, что сводит челюсть. Кто бы это ни сделал, он знал архитектуру нашей безопасности.

К нам быстрым шагом направляется парень в полицейской форме. Форма на нем висит, фуражка съехала. Ему на вид лет двадцать, не больше.

— Владелица транспортного средства? — щелкает ручкой, даже не глядя на меня. — Будем оформлять протокол осмотра. Потребуется описать пропавших вещей из салона...

Опись. Меня сейчас разорвет.

Делаю шаг к машине, игнорируя стажера. Заглядываю в салон сквозь выбитое стекло. На черной коже водительского сиденья лежит конверт.

Рука сама тянется к ручке двери.

— Гражданочка, стоп! Назад! — стажер вдруг оживает, делает выпад в мою сторону. — Место преступления! Вы улики затопчете!

Дергаю заклинившую дверь. Она поддается со скрежетом.

— Это моя машина и мои улики, — отчеканиваю, перехватывая конверт.

Пальцы неприятно холодит. Срываю клапан. Внутри — плотный лист картона. Буквы вырезаны из какого-то глянца и наклеены вкривь и вкось.

«В следующий раз я поработаю над твоим лицом».

Воздух застревает в горле. Смотрю на кривую букву «Л», вырезанную из красного заголовка, и чувствую, как немеют кончики пальцев. Одно дело — анонимка в мессенджере. Другое — стоять у разбитой машины, понимая, что кто-то находился здесь.

— Зря вы туда полезли.

Рядом вырастает фигура покрупнее. Мужчина в штатском, потертая кожаная куртка, цепкий взгляд из-под кустистых бровей.

— Следователь Маркин, — он коротко демонстрирует корочку. — Отпечатки вы свои на конверте уже оставили. А зря. Записки с такими обещаниями обычно пишут люди, которые слов на ветер не бросают.

Быстро складываю картонку пополам, пряча текст. Лицо — бетонная стена. Никто не увидит, как меня трясет.

— Если бы ваша доблестная структура работала на опережение, а не констатировала факты у разбитых стекол, мне бы не пришлось самой доставать письма из своего салона, — ровно произношу.

Маркин усмехается. Достает из кармана визитку и протягивает мне.

— Когда вспомните, кому перешли дорогу до такой степени, что вас хотят изуродовать — звоните.

Он отходит к стажеру, а я остаюсь стоять у покорёженной двери.

— Ева!

Стук шагов. Оборачиваюсь. От лифтов ко мне несутся Макс и Игорь Петрович.

Выставляю руку вперед, останавливая их в метре от себя.

— Ни слова. Оба. Я знаю, что вы сейчас скажете.

— Ева Андреевна, — Игорь Петрович тяжело дышит, глядя на стекло. — Это провал. Мой провал. Я признаю. Но теперь вы меня выслушаете.

Сейчас начнется.

— Выслушаю что? Как ваша хваленая система пропустила урода с арматурой на охраняемую территорию? — складываю руки на груди, впиваясь ногтями в собственные локти.

— Именно поэтому я уже активировал протокол «Альфа», — безопасник выпрямляется, возвращая себе профессиональный тон. — Завтра к вам прикрепляется группа быстрого реагирования. Четыре человека. Двое работают по периметру, двое сопровождают вас везде. От спальни до переговорной.

Четыре человека. Моя жизнь превратится в реалити-шоу. Свобода, которую я выстраивала годами, рухнет за один день. Я не смогу сделать и шага без конвоя.

Открываю рот, чтобы послать его к черту. Чтобы сказать, что я сама разберусь. Но перед глазами вспыхивает красная кривая буква «Л» из записки.

«...поработаю над твоим лицом».

— Нет, — делаю глубокий вдох, беря голос под контроль. — Никаких кортежей. Никаких микроавтобусов с тонированными стеклами и парней с гарнитурами в ушах.

Игорь Петрович меняется в лице.

— Ева Андреевна, это не обсуждается!

— Я здесь плачу зарплату, Игорь Петрович, так что обсуждается, — рублю. — Условие такое. Один человек. Только один.

Макс открывает рот, но я зыркаю на него так, что он тут же его закрывает.

— Месяц, — продолжаю, глядя безопаснику в глаза. — Пока вы не найдете того, кто это сделал. Один человек, который умеет сливаться с обоями. Если он будет выглядеть как вышибала из ночного клуба девяностых — он вылетит в первый же день. Мне нужен профи, а не горилла на стероидах. Мои клиенты не должны шарахаться от меня на встречах.

Они с Максом переглядываются. Я вижу в их глазах торжество.

— Я свяжусь с агентством, — быстро говорит Игорь Петрович, пока я не передумала. — Есть пара вариантов. Лучшие из лучших.

— Отлично. Послезавтра. В два часа дня у меня в кабинете.

Глава 4

Алекс

Сто сорок килограммов.

Холодная сталь грифа намертво впивается в стертые мозоли. Мышцы спины горят, сухожилия натянуты до предела, но я тяну этот вес.

Восемь. Выдох. Девять. Перед глазами плывут черные мушки. Отлично. Физическая боль — лучший, мать его, ластик. Она стирает из башки все: картинки прошлого, запахи, звуки. Остается только вес и гравитация.

Десять.

Я со звоном бросаю штангу на маты. Резина амортизирует удар, звук эхом бьет по пустым стенам зала. Грудь ходит ходуном. Я упираюсь руками в колени, жадно глотая воздух. Эндорфины ударяют в кровь. В голове наконец-то пусто.

Вибрация в кармане спортивных штанов прерывает эту роскошную пустоту на десятой секунде.

Достаю телефон. На экране высвечивается имя Виктора. Моего босса. Единственного человека, который точно знает, что в восемь вечера я либо тягаю железо, либо пробиваю грушу. И звонит он только тогда, когда мир горит.

— Да, — бросаю в трубку, стирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Поднимайся ко мне. Сейчас.

Гудки.

Через пять минут я стою под душем. Вода выкручена почти на максимум. Кипяток обжигает кожу, заставляя ее краснеть, но я не убавляю напор. Эта дурацкая привычка осталась еще с командировок. Смыть с себя песок, грязь, чужую кровь. Сейчас крови нет, только пот, но кипяток все равно помогает. Он смывает фантомное напряжение. Возвращает в реальность.

Кабинет Виктора встречает меня стойким запахом пережженного кофе и дешевого табака. Босс сидит за своим массивным столом, уткнувшись в монитор.

— Я завтра ухожу в отпуск, Витя, — говорю вместо приветствия, закрывая за собой дверь. — Билеты куплены. Связи не будет.

— Ага. В горы собрался? Или опять забаррикадируешься в квартире с ящиком пива и будешь пялиться в потолок, пока сам мне не позвонишь от скуки? — он наконец отрывает взгляд от монитора.

Знает, зараза.

Молча сажусь в кресло напротив.

— Если ты по объекту на Литейном, то я скинул отчет еще час назад. Там все чисто. Клиент параноик.

— Плевать на Литейный, — Виктор тянется к краю стола и берет плотную папку.

Он бросает ее передо мной. На обложке жирная красная полоса.

Красный уровень. Прямая угроза жизни. Такое мы берем редко, и обычно на объект выезжает полноценная группа. Три-четыре человека минимум. Сменные графики, плотное кольцо, машина прикрытия.

Я даже не притрагиваюсь к пластику.

— Нет. Я в отпуске.

— Ева Соловьева, — ровным тоном произносит Виктор, игнорируя мой отказ. — Слышал?

— Гендир «НоваТех»? — скептически выгибаю бровь. — Слышал. У нее проблемы с конкурентами?

— Возможно, — он открывает папку сам.

На стол веером ложатся фотографии. Скрины с даркнета. Полный слив личных данных: адреса, пароли, схемы. И последнее фото — черная Тесла с разбитым в крошку лобовым стеклом и изодранной краской. Это не пьяные подростки развлекались. Удары точечные, сильные.

— Вчера на парковке ее бизнес-центра, — комментирует Виктор. — И записочка в салоне с обещанием исполосовать лицо.

— Полиция что говорит?

— Полиция перекладывает бумажки. Дело висяк, пока ее реально не порежут. Поэтому мы забираем объект. Круглосуточная охрана.

— Повторяю: я в отпуске, — скрещиваю руки на груди. — Отдайте это Ковалеву или группе Смирнова. Красный уровень — это работа для четверых.

— А вот тут начинается самое интересное, — Виктор криво усмехается. — Соловьева согласна только на одного человека.

Смотрю на него, как на идиота.

— Одного? На красный уровень? Она бессмертная или просто тупая?

— Она упрямая. И у нее условие. Никаких «быков». Ей нужен кто-то, цитирую: «кто умеет сливаться с обоями». Чтобы клиенты не пугались.

Просто блеск.

— Тем более нет, — резко поднимаюсь. — Я не работаю в одиночку на открытых угрозах. И не работаю нянкой для богатеньких истеричек, которым важнее их репутация, чем протоколы безопасности. Она меня угробит в первый же день, потому что попрется пить свой латте в открытое кафе. Ищи другого смертника.

Делаю шаг к двери.

— Сорок тысяч, — бросает Виктор мне в спину.

Замираю. Рука зависает над дверной ручкой.

— В день, Алекс. Сорок косарей в сутки.

Стискиваю зубы так, что они скрипят.

— Сегодня утром мне звонили из клиники твоей матери, — голос Виктора становится тише, но бьет прямо в цель. — Прислали счет за следующий курс реабилитации. Четыреста тридцать тысяч рублей. Я знаю, что твоя подушка безопасности пуста. Ты выгреб все на прошлую операцию.

Внутри все сжимается в тугую, холодный узел. Мама. Она никогда не жалуется. Никогда не просит. Просто тихо угасает, если не вливать в это лечение бешеные бабки. Я не могу ее подвести. Это единственное, что держит меня на плаву.

Я медленно поворачиваюсь.

— Ты грязный ублюдок, Витя.

— Я реалист, — он пожимает плечами, не отводя взгляда. — Это легкие деньги за сложного клиента. Ты лучший в скрытке. Ты вытянешь. Заодно закроешь счет за мать и еще останется на твой мифический отпуск.

Молча возвращаюсь к столу. Сгребаю фотографии и сую их обратно в красную папку.

— Собеседование завтра в два, — Виктор позволяет себе легкую улыбку. — И, Алекс... надень костюм. Выгляди как человек, а не как наемник из сирийской пустыни.

Хлопаю дверью так, что жалобно звенят стекла.

В салоне моей машины пахнет холодной кожей и автомобильным ароматизатором. Я не завожу двигатель. Включаю верхний свет и открываю чертову красную папку.

Листаю досье. Сухие факты: тридцать два года, не замужем, сделала себя сама, характер жесткий.

И фото.

Я вглядываюсь в снимок. Какая-то конференция. Темно-синий брючный костюм, сидящий как вторая кожа. Волосы стянуты в тугую узел на затылке. Идеальная осанка. Но глав-

ное — лицо. В ней нет этой пластиковой кукольности светских львиц. Зеленые глаза смотрят прямо в объектив с холодной, чуть насмешливой уверенностью. Острые скулы, упрямая линия подбородка.

Красивая. Слишком красивая для того, чтобы оставаться незамеченной.

Закрываю глаза, откидываясь на подголовник. Перед мысленным взором всплывает лицо другой клиентки. Дочь банкира, три года назад. Такая же упрямая. Такая же уверенная, что ее деньги — это щит от пуль. Закончилось тем, что она сбежала от охраны в ночной клуб и чуть не словила заточку в живот от обдолбанного должника своего отца. Я тогда чудом успел перехватить лезвие голой рукой. Шрам на левой ладони до сих пор ноет.

Женщины, которые привыкли командовать миром, не умеют подчиняться. А в моей работе, если клиент не подчиняется приказам — он становится трупом.

Снова смотрю на фото Соловьевой. *Она будет пить из меня кровь литрами, не иначе.*

Глава 5

Ева

Кандидат сидит напротив, развалившись в гостевом кресле, и вещает басом. Смотрю не на его квадратную челюсть и не на выпирающие из-под тесного пиджака бицепсы. Смотрю на его руки. Огромные сардельки, а ногти обкусаны до самого мяса. Вокруг кутикул — красные воспаленные заусенцы.

Господи. Человек, претендующий на должность моего личного телохранителя, при стрессе жрет собственные пальцы. Какая прелесть.

— ...поэтому опыт в горячих точках позволяет мне гарантировать... — бубнит.

— Спасибо, этого более чем достаточно, — резко обрубая, захлопывая его резюме. Дежурная улыбка натягивается на лицо мышечным усилием. — Оставьте контакты на ресепшене. Если ваша кандидатура нас заинтересует, мы дадим знать.

Качок непонимающе моргает, явно сбивый с ритма, но спорить не решается. Тяжело поднимается и выходит, едва не снося плечом косяк.

Едва за ним щелкает замок, я разворачиваюсь к креслу в углу.

— Игорь Петрович, вы издеваетесь? — отбрасываю ручку на стол. — Это уже третий. Один не мог связать двух слов, от второго разило перегаром, прикрытым мятным «Рондо», а этот жрет свои ногти.

Наш безопасник даже не морщится. Сидит, свайпает что-то в планшете.

— Вы сами поставили жесткие условия, Ева Андреевна. Никаких бывших силовиков с бандитскими замашками. Никакой показухи. Я фильтрую как могу. Следующий кандидат за дверью. Последний на сегодня.

— Искренне надеюсь, что этот хотя бы умеет пользоваться столовыми приборами, — цежу сквозь зубы, придвигая к себе ноутбук. — Зовите.

Тихий стук. Никакого грохота или попытки выломать дверь. Просто два коротких удара костяшками.

Вздыхаю. Готовлюсь лицезреть очередного амбала. Поднимаю глаза.

Сбой системы.

Мужчина, переступивший порог моего кабинета, вообще не вписывается в тот паноптикум, который я наблюдала последние два часа. Никаких гор мышц, распирающих ткань. Темно-синий костюм сидит на нем так, словно сшит на заказ. Движения... экономные. Никакого лишнего шума, никакой попытки занять собой все пространство. Он просто входит и останавливается.

Темные волосы. Едва заметная, почти серебристая пыль на висках.

Но главное — глаза. Цвет мокрого асфальта. Абсолютно спокойные, холодные и цепкие. Он не разглядывает интерьер, не пялится на мои ноги под столом. Он сканирует. Оценивает угрозу, выходы, дистанцию. И меня. Как объект.

Вдоль позвоночника неприятно прокатывается холодок. Какого черта я вдруг выпрямляю спину и втягиваю живот? Это мой кабинет. Я здесь наниматель.

— Проходите, — указываю на кресло, стараясь, чтобы голос звучал максимально сухо.

Он садится. Бесшумно.

Опускаю взгляд в распечатку, которую мне только что переслал Игорь Петрович.

— Александр Вороновский. Тридцать три. Частная охранная компания «Щит». Бывший спецназ, — поднимаю голову, встречаясь с этим его непроницаемым взглядом. — Убедите меня, Александр, что вы не очередная трата моего времени. Почему я должна нанять именно вас?

Он не шевелится. Даже не моргает.

— Я пока не решил, хочу ли на вас работать.

Глава 6

Что?

Пальцы сильнее сжимают край стола. Он издевается? Сидит с лицом кирпича в моем офисе и заявляет, что это он еще будет выбирать?

— Свежий подход, — ядовито усмехаюсь. — Обычно соискатели из кожи вон лезут, расписывая свои невероятные таланты. А вы, значит, пришли устроить кастинг мне?

— Я беру контракты только там, где могу гарантировать результат, — его голос ровный, низкий, без малейшей интонационной окраски. — Для этого клиент должен осознавать уровень угрозы и подчиняться протоколу. Вы, судя по моим данным, предпочитаете играть в бесмертную.

Наглость. Просто феноменальная, эталонная наглость. Я таких увольняю еще до того, как они успевают закончить фразу.

— И что же вам известно о моей «игре», Александр? — складываю руки на груди. — Удивите меня.

Он плавно, без суеты, достает из внутреннего кармана пиджака тонкую серую папку. Кладет ее на край моего стола и толкает пальцами. Папка скользит по полированному дереву и останавливается ровно передо мной.

— Подъем в пять тридцать. Парк «Сосновый», три километра. Маршрут не меняется годами. Кофе берете в семь двадцать в «Грине», всегда у одного бариста. Офис, йога по вторникам в «Лотосе». Квартира в ЖК «Небо». Пятнадцатый этаж. Угловая. Северная сторона.

Каждое его слово — как гвоздь. Вбивается прямо в череп.

— В вашем подъезде сидят два пенсионера, один из которых спит после полуночи, второй глуховат, — продолжает он монотонным голосом. — В слепую зону камер у черного входа можно загнать грузовик, и никто не заметит.

Липкий, мерзкий пот выступает между лопаток. Меня будто раздели. Выставили голой на всеобщее обозрение.

Ногти впиваются в ладони. Держи лицо, Ева. Только не покажи ему, как тебя сейчас трясет.

— Вы нарыли это за пару дней? — мой голос звучит чуть тише, чем я планировала.

— Это нарыл бы любой идиот с доступом в интернет, — отрезает он. — Ваша жизнь — это открытая мишень. Вы предсказуемы до минуты. Расписание, привычки, маршруты. Если бы кто-то хотел вас убить, вы бы уже были трупом.

Злость вспыхивает мгновенно, выжигая страх.

— Вы пришли сюда читать мне лекции по безопасности, размахивая папкой? — подаюсь вперед, опираясь локтями о стол. — Моя жизнь расписана по минутам, потому что я управляю многомиллионной компанией, а не просиживаю штаны в засадах.

— Вы управляете компанией, пока живы, — парирует. — Вы не воспринимаете угрозу всерьез. Разбитая машина вас ничему не научила. Вы ищете не защиту, а аксессуар, который будет красиво стоять за спиной и не отсвечивать на переговорах. Мне такие игры не интересны. Риск для меня, риск для вас.

— Кто кого нанимает, Вороновский? — чеканю слова, чувствуя, как пульс бьет в висках. — Я плачу деньги. И я диктую условия. Ваше дело — обеспечивать периметр, а не перекраивать мой график. Ваша самоуверенность переходит все границы.

— Условия диктует угроза, Ева Андреевна. А не ваши деньги, — он едва заметно наклоняет голову. — Но это ваш выбор.

Звонящая тишина обрушивается на кабинет. Слышно только гудение кондиционера. Я краем глаза вижу Игоря Петровича — наш безопасник сидит, вцепившись в подлокотники, и даже не дышит.

Этот человек сидит напротив меня и не пытается понравиться. Не лебезит. Не соглашается. Он просто констатирует факты, размазывая мою иллюзию контроля по стенке.

Вдыхаю через нос. Выдыхаю. Ладно. Поиграем.

— Допустим, — барабаню пальцами по стеклу столешницы. — Просто гипотетически. Чего вы требуете?

— Полный демонтаж ваших привычек, — без запинки отвечает он. — Смена маршрутов ежедневно. Никаких пробежек в открытых парках. Я проверяю каждое помещение до того, как вы туда войдете. Я фильтрую каждый контакт. И любое мое слово, касающееся вашей безопасности, — закон. Без споров, без обсуждений, без ваших «я так решила».

У меня внутри все закипает.

— Может, мне еще ошейник надеть и поводок вам в руки отдать? Удобно будет контролировать.

— Если потребуется — наденете.

Дергаюсь, словно от пощечины. Он это серьезно сейчас? Ни тени иронии.

— А если я скажу, что ваши параноидальные методы меня не устраивают?

— Значит, мы пожмем друг другу руки, и я уйду, — он спокойно смотрит мне в глаза.

Сверлю его взглядом. Пытаюсь пробить эту броню. Найти там жажду денег, желание выслужиться, хоть какую-то зацепку. Ни-че-го. Холодная сталь. Он реально готов встать и уйти.

— Последний вопрос, — цежу сквозь зубы. — Как специалист. Что вы видите моей главной уязвимостью на данный момент? Кроме маршрутов.

— Ваше эго.

Удар под дых. Щеки вспыхивают. Воздух застревает в горле. Да как он смеет?!

— Благодарю за откровенность, — голос звенит от напряжения. — Мы сообщим вам о нашем решении. Свободны.

Он встает. Никакой резкости. Одно текучее, хищное движение. Коротко кивает мне, затем Игорю Петровичу. Разворачивается и выходит. Дверь закрывается так тихо, что даже щелчка замка не слышно.

Хватаю эту проклятую серую папку и с силой швыряю ее на другой конец стола.

— Вы это слышали?! — меня прорывает. — Это не телохранитель, это тюремный надзиратель! Он мне открытым текстом заявил, что я для него тупая, упрямая проблема! И он еще будет решать, брать ли мои деньги!

Игорь Петрович медленно откладывает планшет. Тонкие губы сжаты.

— Ева Андреевна...

— Нет! — отрезаю, меряя шагами пространство у панорамного окна. — Только не говорите, что он подходит. Это хамло. Самоуверенный, циничный ублюдок, который решил, что может мной командовать в моем же офисе!

— Он профессионал, — тихо, но веско произносит безопасник.

Останавливаюсь. Оборачиваюсь к нему.

— Я изучил его досье вдоль и поперек, — продолжает старик, глядя мне прямо в глаза. — Знаете, почему у него такие требования? Потому что в «Щите» у него стопроцентный показатель.

— И что?

— То, что все, кого он охранял, — живы, Ева Андреевна. Все до единого. Даже в ситуациях, когда шансов почти не было. Он вытаскивал клиентов из-под пуль. Он не удобный. Он

не будет носить за вами сумочку и улыбаться вашим партнерам. Но если этот псих с ножом придет за вами — Вороновский убьет его до того, как вы успеете испугаться.

Сглатываю.

Живы.

Я ненавижу терять контроль. Ненавижу подчиняться. Я всю жизнь выгрызала свое право отдавать приказы. А теперь мне придется добровольно отдать свою свободу в руки этого ледяного робота.

Закрываю глаза. Вдыхаю. Выдыхаю. Эго. Он сказал, что моя проблема — эго.

Может, он и прав.

— Завтра, — хрипло произношу, открывая глаза. — Пусть выходит завтра с утра. И молитесь, Игорь Петрович, чтобы мы с ним не поубивали друг друга до конца этой недели.

Глава 7

Алекс

Утапливаю кнопку звонка в пластик. Глухой, раскатистый звук бьет по барабанным перепонкам. Стою, сканируя лестничную клетку. Слепые зоны у лифта, камера над дверью висит криво — угол обзора срезан наполовину. Дерьмо, а не безопасность.

Шаги за дверью. Легкие, быстрые. Щелкает замок.

Створка отходит в сторону, и у меня внутри происходит секундный сбой настроек.

Это она?

Никакого бронированного делового костюма. Никакой идеальной укладки. Вылинявшая синяя рубашка, явно на пару размеров больше нужного, потертые джинсы. Волосы скручены на затылке в какой-то хаотичный узел, пара прядей упала на шею. Без этой своей корпоративной брони Соловьева выглядит... хрупкой. Обычной.

— Долго планируете изображать статую у меня на пороге? — она складывает руки на груди. Тон ледяной. Иллюзия хрупкости разбивается вдребезги. Всё та же железная леди, просто в домашнем.

— Жду, когда освободите проход, — делаю шаг. Ровно настолько, чтобы заставить ее отступить.

Она не сдвигается ни на миллиметр. Рука ложится на дверной косяк, преграждая путь.

— Тормозим. Мы, кажется, договаривались об охране периметра и сопровождении. Моя квартира — моя личная зона. Сюда не обязательно вламываться с инспекцией.

Смотрю на нее сверху вниз. Зеленые глаза метают молнии. Защищает свою территорию.

— Вы наняли меня сохранить вам жизнь. Я не работаю вслепую. Не зная планировки, уязвимых точек и путей отхода, я не смогу вытащить вас отсюда, если дверь начнут выносить. Впускаете или я разворачиваюсь к лифту?

Секунда. Две. Желваки на ее скулах дергаются.

— Заходите, — она резко отдергивает руку и отступает вглубь коридора. — Но ничего не трогать. И давайте побыстрее.

Переступаю порог. Мозг тут же переключается на тактическую оценку. Запах дорогого диффузора — кедр и что-то цитрусовое. Пространство открытое. Слишком открытое. Ремонт стерильный, ни одной лишней вещи на поверхностях. Справа гостиная, слева кухонная зона.

Соловьева идет следом. Кожей чувствую, как она сверлит взглядом мне спину. Напряжена до предела.

Останавливаюсь посреди гостиной. Огромное панорамное окно во всю стену. Красиво. И абсолютно самоубийственно.

— Отличная мишень, — киваю на стекло, за которым виднеется крыша соседней многоэтажки. — Прямая линия огня. С той крыши даже новичок с дешевой оптикой положит вас прямо на этом диване.

Она фыркает, вставая рядом.

— Какая богатая фантазия. Я живу здесь четыре года. И, как видите, до сих пор не стала чьим-то трофеем. Никто не прячется по крышам с винтовками, Александр. Это реальный мир, а не голливудский боевик.

— В вашем реальном мире вам на парковке оставили послание с обещанием изуродовать лицо. Ситуация изменилась. Вы теперь цель. Стёкла менять. Срочно. Нужен бронепакет, класс не ниже третьего.

Разворачиваюсь и иду обратно в коридор. Она едва поспевает за мной.

— К слову о замках, — останавливаюсь у входной двери, осматривая личинку. — Что-то кроме этого сувенира установлено? Электроника? Скрытые ригели?

— Это сейфовая дверь. Она весит двести килограммов, — в ее голосе звенят нотки снисходительности, с которой общаются с умалишенными.

— Дверь может весить хоть тонну. Если замок вскрывается отмычкой-бампером за три минуты, толщина металла не имеет значения. У вас защита от случайного бомжа, а не от профи.

Она вздергивает подбородок.

— Откуда такие специфические познания о вскрытии?

Переход на личности. Классическая реакция человека, теряющего контроль. Ей страшно признать, что ее «крепость» — картонный домик. Пусть язвит. Мне плевать на ее эго.

— Моя работа — знать, как думает тот, кто хочет вас убить. Биометрия на вход, плюс два независимых контура сигнализации. Запишите в список покупок на завтра.

Двигаюсь дальше. Балконная дверь.

— Датчики объема? Датчики на разбитие стекла?

— Пятнадцатый этаж! — она всплескивает руками. — Вы серьезно? Кто сюда полезет? Карлсон? Альпинисты-грабители?

Непробиваемая.

— Расстояние до соседнего балкона — метр двадцать. Для тренированного человека — один прыжок. Высота дает вам только ложное чувство безопасности. Если вас захотят достать — этажность не помеха.

Она невольно переводит взгляд на соседский балкон. Прикидывает расстояние. На дне зеленых глаз мелькает тень. Сомнение. Наконец-то доходит.

Иду по узкому коридору вглубь квартиры. В конце — глухая дверь. Логично, спальня. Делаю шаг к ней.

И тут Соловьева срывается с места. Опережает меня на долю секунды и буквально впечатывается спиной в дверное полотно. Движения резкие, быстрые. Откуда такая прыть?

— А вот туда мы не пойдем, — отрезает она. Голос чуть дрогнул.

Останавливаюсь в полуметре от нее.

— Нужно проверить окно и слепые зоны.

— Нет. Это моя спальня. Окно там точно такое же, как в гостиной. Все. Экскурсия окончена.

Смотрю ей в лицо. Маска уверенной суки треснула. Глаза бегают, пальцы вцепились в край рубашки. Смущение? Паника? Что там такого? Документы конкурентов? Сейф с черной наличностью? Труп бывшего?

Мне плевать на ее секреты. Но не проверить помещение я не могу.

— Спальня — самое уязвимое место, Ева Андреевна. Вы там спите. Вы там отключены. Если есть пути отхода или скрытые угрозы, я должен их видеть. Отойдите.

— Я сказала — нет!

Просто отодвигаю ее в сторону. Мягко, но так, чтобы она поняла — физически она меня не удержит. Нажимаю на ручку, толкаю дверь.

Светлая комната. Огромная кровать. Окно, батарея, встроенный шкаф. Мозг сканирует пространство, ища потенциальные укрытия. Чисто. Взгляд скользит по прикроватной тумбочке и... спотыкается.

Лежит. Массивный. Глубокого фиолетового цвета. Силиконовый. Вибратор.

Из-за моей спины доносится сдавленный, прерывистый выдох клиентки.

Ну. Теперь понятно, откуда столько паники в коридоре. Лицо держу кирпичом. Ни один мускул не дрогнул. Я профессионал. Я здесь ищу снайперов и скрытые камеры, а не оцениваю габариты чужих игрушек.

Глава 8

Алекс

Разворачиваюсь.

Смотрю ей прямо в переносицу. Ни миллиметром ниже. Никаких косых взглядов на тумбочку.

Соловьева стоит в дверном проеме. Спина струной, руки скрещены на груди так туго, что костяшки побелели. Подбородок вздернут. Защитная стойка. Она ждет удара. Ждет сальной шуточки или хотя бы ухмылки.

Слишком много чести.

— Нашли отряд воображаемых киллеров под кроватью? — цедит она. Голос звенит от напряжения. — Или вам фонарик принести, чтобы в шкафу поковыряться?

— Шкаф встроенный, мертвых зон нет, — ровно отвечаю, двигаясь прямо на нее. — А вот рамы здесь такое же дерьмо, как и в зале. Стеклопакет под замену.

Ей приходится отступить, чтобы пропустить меня. Мое плечо вскользь задевает ее. Доля секунды трения ткани о ткань.

В нос бьет запах. Терпкий, с тяжелой цитрусовой нотой и чем-то пряным, въедающимся прямо в рецепторы. Запах женщины, которая привыкла доминировать.

Стискиваю зубы. Какого черта мозг вообще это фиксирует? Выключить. Это объект. Клиент. Проблема на ножках.

Прохожу в гостиную. Соловьева идет следом, грациозно опускаясь на диван. Закидывает ногу на ногу. Джинсы натягиваются на бедрах. Твою мать. Линия от колена до бедра идеальная. Хищная.

Резко отворачиваюсь к окну. Вид на Питер сейчас гораздо безопаснее для моей психики.

— Значит так, — говорю, глядя на серые крыши. — С этого момента ваш график обнуляется.

Слышу, как за спиной она нервно звякает стеклянным стаканом о стол.

— В смысле обнуляется? Вы мне ремонт решили устроить, а теперь еще и расписание переписать?

Разворачиваюсь.

— Ваша утренняя пробежка по парку отменяется.

— Исключено, — она откидывается на спинку дивана. Глаза сужаются. — Я бегаю три года. Это моя разгрузка. Я не собираюсь сидеть взаперти из-за какого-то психа с картонками.

Бессмертная. Поразительно упрямая и тупая в своей самоуверенности.

— Ваш кислород перекроют свинцом из кустов, — чеканю каждое слово. — Маршрут, который не меняется годами — это подарок для любого ликвидатора. Хотите бегать? Беговая дорожка. В крайнем случае — со мной, по случайному маршруту, в разное время. И никаких наушников.

В голове тут же вспыхивает непрошенный кадр: она бежит впереди меня. Обтягивающие леггинсы. Капли пота на шее. Ритмичное движение бедер. Дерьмо.

Она раздраженно трет переносицу.

— Дальше. Визитеры, — продолжаю давить. — Любой, кто переступает порог этой квартиры или вашего кабинета, проходит через меня.

— Вы в своем уме? — Соловьева подается вперед. Кофта на груди натягивается. — Мне курьеру паспортный контроль устраивать? А если ко мне подруга зайдет? Вы ее тоже будете к стенке ставить и обыскивать?

— Если понадобится — да.

— А свидания? — она ядовито усмехается. — Мне потенциальных партнеров сначала к вам на собеседование приводить?

Свидания? Блеф. Я выучил ее досье наизусть. Никаких постоянных контактов. График забит совещаниями, звонками и тренировками. Судя по той фиолетовой штуковине в спальне, ее личная жизнь работает исключительно от батареек.

Но вслух я этого, конечно, не скажу.

— Если этот ваш партнер не хочет словить пулю, предназначенную вам — да. Он пройдет проверку.

Она вскакивает. Взрывается.

— Я нанимала секьюрити, а не надзирателя строгого режима! — ее голос срывается на крик. — Вы не будете указывать мне, с кем спать, с кем пить кофе и как дышать! Моя жизнь — это мои правила!

Грудь тяжело вздымается. Щеки горят. Вся искрит, как оголенный провод под напряжением.

Обычно такие истерики клиентов вызывают у меня только холодное презрение. Но сейчас... В этой ее животной ярости есть что-то...

И я давлую слишком сильно. Если пружину перетянуть — она сорвется. Сбежит. И тогда ее точно грохнут. Смена тактики.

— Вдохните, Ева Андреевна, — делаю полшага назад, демонстрируя отсутствие агрессии. Сбавляю тон. — Это не навсегда.

Она замолкает, сверля меня злым взглядом.

— Месяц. Может, два. Ровно до тех пор, пока ваши люди не вычислят, кто заказал вашу машину. Как только мы закроем угрозу — бегайте, где хотите, и спите, с кем хотите. Моя задача — сделать так, чтобы вы дожили до этого момента.

Она отворачивается к стене. Слышу, как она глубоко втягивает воздух. Взвешивает. Она прагматик. Бизнесмен. Цифры и факты — ее язык.

— Два условия, — произносит она, не поворачиваясь. Голос снова ровный. Стальной. — Йога. Вторник, четверг. Я не отменю занятия.

Опять. Леггинсы. Коврики. Изгибы. Моя нервная система сегодня выйдет из чата.

— Я буду присутствовать в зале.

Она разворачивается.

— Второе. Офис. У меня закрытые переговоры. Финансы, слияния, коммерческая тайна. Вы не будете торчать в переговорной и греть уши.

— Я проверяю помещение до того, как вы туда войдете. Сканирую на прослушку. Во время встречи я стою за дверью. Если мне не понравится звук за стеной — я вхожу без стука. Дверь на замок не закрывать.

Она прищуривается. Оценивает компромисс.

— Я подготовлю для вас NDA. Соглашение о неразглашении. Штрафы там такие, что до конца жизни будете на меня работать, если хоть слово утечет.

— Можете распечатать хоть два.

Кивает. Соглашение достигнуто. Можно переходить к главному.

— Где у вас гостевая? — спрашиваю будничным тоном, окидывая взглядом коридор.

— Первая дверь направо, — на автомате отвечает она. И тут же замирает. Брови ползут вверх. — Зачем вам?

— Нужно прикинуть, куда бросить вещи.

— Какие вещи?

Смотрю на нее с легким недоумением.

— Мои вещи. Я переезжаю к вам.

Глава 9

Алекс

Она смотрит на меня так, будто я только что выдернул чеку из гранаты и бросил ей под ноги.

— Жить? Здесь? — Соловьева тычет идеально наманикюренным пальцем в свой дорогой паркет. — В одной квартире со мной?

— Именно.

— Вы перегрелись, Вороновский? — она делает резкий шаг ко мне, пытаясь задавить авторитетом. — Мой дом — не казарма и не перевалочный пункт. Выметайтесь. Этого не будет. Стена. Непробиваемая, эгоистичная стена.

— Вы путаете личного телохранителя с консьержем, — не меняю ни позы, ни тона. — Красный код угрозы. Круглосуточная охрана. Как вы себе это физически представляете? Я должен дежурить в машине у подъезда? Или спать на коврик под вашей бронированной дверью, которую вскроют за три минуты?

Она бледнеет. Злость борется с логикой.

— Вы вторгнетесь в мое личное пространство! Это единственное место на планете, где я могу снять маску и ни перед кем не отчитываться!

Слышу, как в ее голосе звенят истеричные нотки. Понимаю. Лишить контроля человека, который всю жизнь выстраивал свою независимость — это как кислород перекрыть. Но мертвым личное пространство ни к чему.

— Моя работа — обеспечить вам возможность дышать. Завтра, послезавтра, через год. Если для этого придется потеснить ваш комфорт — значит, потесним. Вы платите мне за то, чтобы остаться в живых, а не за то, чтобы вам было удобно.

Сверлит меня взглядом. Ищет слабинку. Не найдет. Я контракты на полумерах не беру.

Она запускает пальцы в свой небрежный пучок. Волосы окончательно рассыпаются по плечам. Тяжелый выдох. Сдалась.

— Черт бы вас побрал, — цедит она сквозь зубы. Разворачивается к окну, обхватывая себя за плечи. — Одна комната. Гостевая. Но учтите, Вороновский. Это моя территория. Мои правила. Сунете нос куда не следует — вылетите быстрее, чем успеете моргнуть.

Киваю ее спине. Конечно. Ее правила. Ровно до тех пор, пока они не встанут на пути пули.

Ева

Потолок бесит. Одеяло бесит. Поворот на правый бок. Поворот на левый. Сбилась со счета. Десятый раз? Двадцатый?

Сон даже близко не подходит. Мозг продолжает услужливо крутить на репите одну и ту же картинку: мой идеальный, стерильный телохранитель стоит в моей спальне и смотрит на тумбочку.

Тумбочка. Вибратор. Огромный, темно-фиолетовый.

Господи, убейте меня. Почему я не бросила его в ящик? Потому что я живу одна! Точнее, жила. До сегодняшнего дня.

Щеки горят так, что можно яичницу жарить. Я тогда даже глазом не моргнула. Стояла с каменным лицом. Удержала фасад. Но сейчас, в темноте... Жесть. Он же наверняка решил, что у меня недотрах масштаба катастрофы. Хотя, какое ему дело? Он машина. Запрограммированный киборг в костюме. У него вместо эмоций — протоколы безопасности.

Интересно, он вообще спит? В гостевой ни звука. Может, стоит там в углу с открытыми глазами и сканирует стены тепловизором?

Откидываю одеяло. Хватит. Так можно до утра проваляться и заработать нервный срыв прямо перед завтрашним советом директоров.

Нужна вода. А лучше чай. А в идеале — бокал шираза, чтобы вырубиться.

Стягиваю с изножья кровати шелковый халат. Накидываю прямо на голое тело. В конце концов, это моя квартира. Я не обязана наряжаться в скафандр, чтобы дойти до собственной кухни.

Выхожу в коридор. Ступаю босиком по паркету, автоматически огибая скрипучую доску у ванной. Крадусь. В своем же доме. Как воровка. Дожила, Соловьева.

Кухня тонет в сером полумраке. Не включаю верхний свет — глаза и так режет. Тянусь к сенсору подсветки над рабочей зоной. Вспыхивает узкая диодная полоса. Нормально.

Беру стеклянный чайник. Включаю кран. Шум воды кажется оглушительным.

— Тоже бессонница?

Голос бьет из темноты. Низкий. Хриплый со сна.

Вздрагиваю всем телом. Пальцы разжимаются. Чайник летит вниз. Грохот стекла о стальную раковину разрывает тишину. Вода брызгает во все стороны.

Пuls мгновенно оказывается в горле.

— Твою ж мать! — резко разворачиваюсь, вжимаясь поясницей в столешницу. — У вас в контракте прописано доводить клиентов до инфаркта?! Зачем так подкрадываться?!

Он выходит из тени коридора в освещенную зону.

— Не подкрадывался. Вы просто не услышали.

Голос застревает у меня в легких.

На нем нет костюма. Никакой брони. Простая серая футболка обтягивает широкую грудную клетку так, что виден рельеф каждой мышцы. Спортивные штаны. Тонкий хлопок. Они сидят низко. Слишком низко. Отчетливо видна V-образная линия, уходящая под резинку.

Он выглядит... Опасно. Совсем по-другому опасно. Не как телохранитель. Как хищник, которого выпустили из клетки.

Его взгляд медленно опускается от моего лица вниз.

Холодок прошибает затылок. До меня доходит. Я стою к нему лицом. Подсветка от столешницы светит мне прямо в спину.

Шелковый халат. Без белья. В этом контровом свете ткань не скрывает вообще ничего. Контуры тела просвечивают абсолютно четко.

Мороз по коже. Пальцы судорожно впиваются в край столешницы.

Черт. Черт. Черт.

Глава 10

Резко разворачиваюсь к раковине. Одно слитное движение. Главное — скрыть фасад. Спрятать то, что тонкий шелк сейчас предательски выставляет напоказ.

Кожа горит. Спиной чувствую его взгляд. Он сканирует. Он же всегда, мать его, сканирует.

Вцепляюсь побелевшими пальцами в край каменной столешницы. Нужно срочно что-то сказать. Заполнить эту оглушительную, звенящую тишину. Вернуть себе контроль.

— Раз уж вы предпочитаете бродить по ночам как привидение, — мой голос звучит неестественно звонко, — может, выпьете чаю? Ромашка отлично успокаивает нервную систему.

Шорох шагов за спиной. Он не крадется, просто ступает абсолютно бесшумно.

— Не откажусь. Можно без ромашки. Любой черный.

Боковым зрением вижу, как он опускается на высокий барный стул. Расслабленная поза. Локти на столешнице. Никакой неловкости. Ему вообще бывает неловко?

Открываю кран. Ледяная вода бьет по пальцам, немного отрезвляя. Достаю две кружки — свою, с потертым дурацким котом, и безликую серую из дальнего угла шкафчика. Кидаю пакетики.

Тишина на кухне давит. Слышно только гудение холодильника и как закипает чайник.

Разливаю по кружкам воду.

Достаю пачку овсяного печенья, которую клятвенно обещала себе выбросить еще в понедельник. К черту диеты. Мне нужны углеводы. Срочно.

Ставлю перед ним дымящуюся кружку. Стараюсь не смотреть ниже его подбородка. Но взгляд сам цепляется за его руки, лежащие на стекле барной стойки.

Широкие ладони. Сбитые костяшки. Длинные, сильные пальцы с короткими ногтями. На правом запястье — бледная полоса застарелого шрама.

Мозг тут же выдает непрошеную цепочку образов. Как эти руки ломают кости. Как держат оружие. Как они... скользят по чужой коже. Сильно, но осторожно.

Сглатываю.

Интересно, чем он занимается в свободное время?

— Шахматы.

Вздрагиваю. Поднимаю глаза. Он смотрит прямо на меня поверх кружки.

— Что?

— Вы смотрите на мои руки с таким видом, будто пытаетесь вычислить степень моей социальной опасности, — его голос ровный. — Обычно в такие моменты женщины гадают, чем я занимаюсь, когда не работаю. Ответ — шахматы.

Челюсть чуть не отпадает. Он реально читает микромимику?

— Шахматы? — фыркаю, усаживаясь напротив и подтягивая к себе кружку. — Seriously? Вы не очень похожи на завсегдатая шахматного клуба. Где очки с роговой оправой и сутулость?

Он делает неспешный глоток.

— Стереотипы, Ева Андреевна. Вы тоже не сильно вписываетесь в классический образ IT-гика, сутками сидящего в подвале с энергетиком.

Удар принят. 1:1.

— И почему именно они? — откусываю печенье, чтобы занять рот. — Слишком мало адреналина для бывшего спецназовца, не находите?

— Наоборот. Чистая стратегия, — он ставит кружку на стол. — Учит не реагировать на первый выпад, а просчитывать доску на пять ходов вперед. Читать противника. Замечать детали.

— И какие же детали вы замечаете прямо сейчас? — вопрос вылетает быстрее, чем я успеваю прикусить язык.

Его серые глаза прищуриваются. Взгляд скользит по моему лицу, задерживается на ключицах, выглядывающих в вырезе халата, и возвращается к глазам.

— Вы на взводе. Держите кружку так, словно готовы метнуть ее мне в голову. И вы панически боитесь потерять контроль над ситуацией. Даже сейчас, на собственной кухне.

В яблочко. Прямо под ребра.

Ставлю кружку с такой силой, что чай выплескивается на стол.

— А у вас в охранном агентстве все подрабатывают кухонными психоаналитиками? Или это эксклюзивная опция для VIP-клиентов?

— Это профессиональная наблюдательность. Вы живете, как натянутая струна. Кроме вашей вторичной йоги, вы вообще как-то сбрасываете напряжение? Увлечения? Друзья? Хобби, не связанное с кодом и цифрами?

Внутри вспыхивает глухое раздражение. Да кто он такой, чтобы ковыряться в моем графике?

— Моя компания — это и есть моя жизнь, Александр. Я не просиживаю штаны в офисе с девяти до шести, чтобы потом радостно бежать клеить модельки кораблей. Я управляю процессами, от которых зависят сотни людей. Мое «напряжение» — это цена успеха.

— Это цена скорого выгорания, — спокойно парирует он.

— Хватит, — резко поднимаюсь. Стул скрипит по паркету. — Спасибо за лекцию о ментальном здоровье. Я, пожалуй, пойду спать. Пока вы не диагностировали у меня еще парочку расстройств.

Тянусь через стойку, чтобы забрать его кружку.

Он встает одновременно со мной. Перехватывает посуду.

Мы оказываемся лицом к лицу. Преграды в виде широкой стойки больше нет.

Его габариты внезапно заполняют всю кухню. Рядом с ним я чувствую себя... мелкой. Непривычное, колющее чувство. Воздух между нами вдруг становится плотным. Тяжелым.

Задираю голову, чтобы смотреть ему в глаза.

Свет падает так, что шрам на его брови кажется глубже. В серых радужках нет ни насмешки, ни осуждения. Только внимательное, цепкое изучение.

И вдруг я замечаю запах. Не диффузор. Запах его кожи. Чистота, легкий аромат мыла и что-то неуловимо мужское, горячее.

Внизу живота стягивается тугой, горячий узел. Тело реагирует на его близость помимо моей воли. Дыхание сбивается.

Только не это. Только не физиология. Только не к наемному сотруднику, который утром рассматривал мой вибратор.

Глава 11

Ева

Воздух на кухне внезапно становится слишком плотным. Делаю шаг назад, пока поясница не впечатывается в край столешницы. Холодный камень прошивает сквозь тонкий шелк халата, немного приводя в чувство. Главное — держать лицо. Ни единым мускулом не выдать, что меня только что пробрало до самых костей от его близости.

— Уже поздно, — голос звучит почти ровно, если не считать легкой хрипотцы. Прокашливаюсь. — Мне вставать через четыре часа.

Он не двигается. Изучает меня еще секунду.

— Отдыхайте, Ева Андреевна, — он наконец делает шаг в сторону, освобождая мне пространство.

— Спокойной ночи, Александр.

— Алекс, — коротко поправляет, разворачиваясь к коридору. — Для вас — просто Алекс.

Тень проглатывает его широкую спину, а следом бесшумно защелкивается дверь гостевой спальни.

Остаюсь стоять у раковины, вцепившись побелевшими пальцами в кромку стола. Черт. Какого хрена это сейчас было? Внутри все вибрирует, словно я только что пробежала стометровку. Дыхание поверхностное. Жарко.

Списываем на стресс. Да, банальный перегруз нервной системы. Машину разбили, угрозы прислали, в квартиру поселили мрачного типа с повадками хищника. Конечно, организм сбоит. А еще... Серёжа. С тех пор, как мы разбежались, у меня никого не было. Вообще. Только графики, тендеры и совет директоров. Физиология просто берет свое, реагируя на тестостерон в радиусе метра.

Отлипаю от столешницы и на ватных ногах иду в спальню. Нырять под ледяное одеяло. Сон? Ага, сейчас. Мозг уже запустил режим нон-стоп: перед глазами его шрам на запястье, низкий голос и этот оценивающий взгляд. Ночь обещает быть долгой.

Алекс

Синий свет от монитора режет уставшие глаза. Тру переносицу, пытаюсь сфокусироваться на схемах. Завтрашний благотворительный вечер в музее — это не просто дыра в безопасности. Это гребаный дуршлаг. Открытая площадка, сотни гражданских, шампанское рекой. И охрана на входе, которая годится разве что для проверки билетов в кино.

А моя клиентка? Для Соловьевой это — площадка для нетворкинга. Очередной подиум, где нужно светить лицом и заключать сделки. За эти дни я усвоил одно: ее упрямство граничит с клинической тупостью. Либо она наглухо блокирует чувство самосохранения, либо реально считает, что статус гендиректора делает ее пуленепробиваемой.

Телефон на столе коротко вибрирует. Экран вспыхивает. Виктор. *«Файл у тебя на почте. Объект: Орлов».*

Открываю вложение. Сергей Орлов. Владелец «ОрбиталСистемс». Пробегаюсь по сводке. Бывший военный переводчик, резко сменивший вектор на IT. Гладкая биография, пиар-служба работает на ура. Но в закрытых базах картина интереснее: связи с теневым сектором, два замятых дела по краже корпоративных данных. Спец по промышленному шпионажу, который всегда выходит сухим из воды.

И самое вкусное в конце документа. Статус по отношению к клиенту: бывший партнер. Во всех смыслах.

Пальцы сами собой сжимаются в кулак. Бинго. Идеальный подозреваемый. Деньги, ресурс, отсутствие моральных тормозов и личный мотив. Оскорбленное эго мужика, которого обошла бывшая женщина.

Перед внутренним взором непрошено вспыхивает кадр: этот лохотный урод кладет руки на талию Евы. Она улыбается ему. Не той ледяной улыбкой, которой одаривает меня, а нормальной. Настоящей.

Челюсть сводит от раздражения. Закрываю файл. Захлопываю крышку ноута с такой силой, что пластик жалобно хрустит. К черту. Нужно отключиться хотя бы на час. Завтра на этом фуршете мне понадобится стопроцентная концентрация, чтобы ее не пришили под звуки виолончели.

Заливаю в себя вторую чашку черного кофе, обжигая горло. На кухню входит Ева. Никаких растрепанных волос и сползающего шелка. На ней темно-синий брючный костюм, сидящий как броня. Волосы затянуты в тугий, безжалостный узел. Маска "железной леди" прикручена намертво.

— До пяти мы в офисе, — она бросает сумку на стул, пролистывая почту в планшете. На меня даже не смотрит. — Потом едем сюда, переодеваемся и выдвигаемся на прием.

— Тормозим, — ставлю кружку на стол. — Насчет вечера. Я поднял архитектурный план музея. Там три слепые зоны у запасных выходов и галерея второго этажа, которая вообще не кроется камерами.

Она замирает. Медленно опускает планшет. Тонкие брови сходятся на переносице.

— И к чему эта сводка?

— К тому, что мне нужен полный список гостей, — рублю факты. — Доступ к расстановке кейтеринга. И главное правило: вы ничего не пьете из бокалов, которые принесли не при мне.

Она фыркает, закатывая глаза.

— Алекс, это благотворительный аукцион. Там будут министры и акционеры. Никто не станет сыпать мне мышьяк в шампанское на глазах у прессы.

— Дилетанты именно так и думают. А потом захлебываются собственной кровью в туалетах, — не повышаю голоса, но бью словами жестко. — Кстати, о гардеробе. Есть модели бронежилетов скрытого ношения. Толщина минимальная, под вечерним платьем никто не заметит.

Ее лицо вытягивается. Маска дает трещину. Сначала непонимание, потом шок, а следом ярость.

— Бронежилет? — она чуть ли не по буквам выплевывает это слово. — Под вечернее платье? Ты в своем уме?

— Третий класс защиты. Весит около полутора килограммов.

— Забудь, — она резко хватается за планшет и направляется к выходу.

Я не спорю. Знал, что откажется. Но протокол обязывает предложить. Придется перекрывать риски ногами и глазами.

Офисный день — сплошная тягучая жвачка. Встречи, звонки, переговоры. Я сканирую каждое помещение до того, как она туда зайдет, фильтрую посетителей. Ева работает на износ, словно пытается доказать мне или себе, что никакие угрозы ее не сломают.

К пяти вечера мы возвращаемся в квартиру.

— Полчаса на сборы, — говорю ей в спину, едва за нами закрывается входная дверь. Привычно обвожу взглядом коридор. Чисто.

— Мне нужен час, — она сбрасывает туфли. Одна отлетает к плинтусу с глухим стуком.

— Полчаса, Ева Андреевна. Иначе мы попадаем в пробку на набережной, ломаем график и приезжаем вместе с основной толпой. А мне нужно провести вас до начала давки.

Она разворачивается. Плечи опущены, в глазах — глухая усталость. На секунду броня спадает.

— Алекс, — никакого металла в голосе. Почти просьба. — Дай мне час. Мне нужно... просто привести себя в порядок. По-человечески. Это важно.

Смотрю на нее. На тени под глазами. И сам не понимаю, как это происходит.

— Шестьдесят минут. В девятнадцать ноль-ноль жду у двери.

Черт. Я только что нарушил собственный протокол из-за того, что она просто попросила.

Ровно через час дверь спальни открывается. У меня в голове происходит короткое замыкание.

Глубокий изумрудный цвет. Ткань платья струится, облекая ее так плотно, что кажется второй кожей. Никаких строгих линий офиса. Только изгибы бедер, тонкая талия и вырез, который не оставляет шансов на нормальное сердцебиение. Волосы подняты вверх, открывая длинную, беззащитную шею. Тонкая цепочка блестит в ложбинке между грудей.

Твою мать. Как я должен сканировать периметр, если половина моего мозга прямо сейчас отключилась? Каждый самец на этом фуршете будет пялиться на нее.

— Что? — она замечает мою заминку. Легкая ухмылка трогает ее губы, в глазах пляшут дьяволята. — Не вписываюсь в стандарты безопасности?

Беру себя в руки. Загоняю физиологию подальше. Включаю профессионала.

— Оцениваю риски.

— Ну и как? Сколько баллов по шкале смертельной опасности? — она откровенно издевается, застегивая braslet.

— Шпильки сантиметров двенадцать, — киваю на ее туфли. — Бежать в них невозможно. В случае эвакуации вы просто сломаете лодыжки.

— А я не планирую бегать кроссы, — парирует она.

— Открытая шея, — продолжаю сухо, глядя строго на ее ключицы. — Уязвимость для любого захвата. Про декольте вообще молчу.

— Зачем захватывать шею, когда можно просто укусить? — она смеется. Звонко, искренне. — Ты вампиров боишься, Алекс? Или того, что я кого-нибудь ослеплю красотой?

Она хватает с консоли крошечный блестящий клатч. В него даже запасной магазин не влезет, не то что баллончик или трекер. Абсолютно бесполезный аксессуар.

— Идемте, мой личный параноик, — она проходит мимо.

Шлейф ее парфюма бьет по рецепторам. Бедрa плавно покачиваются в такт шагам.

Иду следом.

Как привязанный.

Смотреть только на затылок.

Только на прическу.

Ни сантиметром ниже.

Глава 12

Алекс

Гул в зале бьет по ушам плотной звуковой волной. Звон бокалов, фальшивый смех, шуршание дорогих тканей. Терпеть не могу такие сборища. Толпа — это всегда хаос, а хаос — идеальная среда для удара.

Ева уверенно лавирует между группками гостей, пока не тормозит возле высокого шатена. Тот расплывается в улыбке и шагает к ней с раскинутыми руками. Мои мышцы сокращаются рефлекторно. Любое сближение с объектом — красная зона.

— Ну слава богу, явилась, — шатен стискивает ее в объятиях. Пальцы ложатся на открытую спину.

Мой внутренний таймер отсчитывает секунды. Две. Три. Достаточно, убрал руки.

— Выставка современного искусства, Макс? Серьезно? — Ева чуть отстраняется, поправляя невидимую пылинку на его лацкане. — Я думала, мы умрем со скуки еще на подъезде.

— Скажи спасибо нашему пиар-отделу. Светить лицом надо, инвесторы любят меценатов, — Макс наконец переводит взгляд за ее плечо и натывается на меня. Оценивающий, цепкий скан. — А это, надо полагать, твое новое приобретение? Макс, финдиректор, — он протягивает руку.

— Алекс, — игнорирую его статус, пожимаю ладонь.

Хватка крепкая, но без этих корпоративных попыток доказать альфа-статус. Нормальный мужик. Безопасен.

— Значит так, Ев, — Макс чуть понижает голос, наклоняясь к ней. — У меня хреновые новости. Твой бывший тут. И судя по тому, как он сверлит взглядом входные двери, ждет он именно тебя.

Орлов. Я не смотрю на Макса, мой фокус — исключительно на Еве. Вижу, как на миллсекунду у нее стекленеют глаза. Как пальцы с такой силой впиваются в этот ее идиотский блестящий клатч, что костяшки белеют. Микрореакция стресса. Фасад треснул и тут же восстановился.

— Пусть ждет, — Ева небрежно дергает плечом. — У меня нет времени на беседы с неудачниками.

— Ну-ну. Ты только своего цепного пса с поводка не спускай, если Сережа полезет, — Макс ухмыляется, кивая на меня.

— Я сама кого хочешь покусая, — цедит она и отворачивается.

Мимо нас бесшумно проплывает официант с подносом. Высокие бокалы, золотистая жидкость, пузырьки. Ева автоматически тянет руку к ближайшему.

Моя ладонь перехватывает ее запястье прямо в воздухе. Кожа горячая. Пульс под моими пальцами бьется неровно, слишком быстро.

— Поставьте на место, — говорю тихо, почти не разжимая губ.

Она дергает рукой. Я не отпускаю. Официант деликатно отворачивается.

— Ты рехнулся? — она шипит, сверля меня бешеным взглядом. — Отпусти. Сейчас же.

— Общие подносы — табу. Напиток либо наливают при вас из закрытой бутылки, либо вы не пьете вообще.

— Алекс, твою мать, это шампанское! В музей! На виду у трехсот человек! — она вырывает руку. На коже остается красный след от моих пальцев. — Ты реально думаешь, что бармен сыпанул мне туда стрихнин?

— Я думаю, что вам оставили записку с угрозой изуродовать лицо. Отключите свою светскую беспечность и включите мозг.

Она поджимает губы, бросает уничтожающий взгляд, но бокал не берет. Умница. Злитесь, но понимает, что я прав.

«Ты параноик, Алекс. Ты в каждой тени видишь снайпера». Голос Дианы вдруг всплывает в памяти. Моя бывшая жена любила повторять это перед тем, как хлопнуть дверью.

Гражданские никогда не поймут. Они верят в иллюзию безопасности. А я знаю, как легко эта иллюзия пробивается пулей калибра 9 миллиметров.

Следующие сорок минут я превращаюсь в тень. Ева курсирует между гостями. Идеальная осанка, заученные улыбки. Она жонглирует цифрами, флиртует на грани деловой этики, продает свою компанию каждому, кто готов слушать. И я вижу, *как* они на нее смотрят.

Эти расфуфыренные индюки в костюмах за сотни тысяч. Их взгляды липнут к открытой линии ее шеи, сползают в вырез платья, оценивают изгиб бедер. Животный, неприкрытый голод. И от каждого такого сального взгляда у меня внутри закипает глухая злость. Хочется подойти и выбить зубы каждому, кто задержит на ней глаза дольше положенного.

— Роскошно выглядишь. Как всегда.

Голос раздается слева, чуть сзади. Слишком близко. Сука. Как я его пропустил? Гребаная акустика зала.

Резко разворачиваюсь. Сергей Орлов. Лощеный, вылизанный, пахнет каким-то тяжелым, приторным парфюмом. Глаза холодные, мертвые, несмотря на приклеенную улыбку. Оружия нет, стойка расслабленная. Но от него фонит угрозой.

Делаю шаг, вставая так, чтобы физически отрезать его от Евы, если он дернется.

— Сережа, — Ева не вздрагивает. — Какими судьбами? Решил прикупить картину в офис, чтобы закрыть дыру на обоях после проигранного тендера?

Орлов на секунду теряет лицо — челюсть дергается, улыбка становится похожа на оскал.

— Все такая же ядовитая. За это и любил, — он делает шаг вперед. Нарушает дистанцию. — А вот тендер ты зря упомянула. Рано празднуешь. Ваши алгоритмы — сырое дерьмо. Одна хорошая хакерская атака, и вы пойдете по миру.

Прямая угроза. Мои мышцы каменеют. Центр тяжести смещается вниз. Если он сделает еще полшага, я сломаю ему коленную чашечку. Мне плевать на свидетелей.

— Заткнись, Сережа, — ровным тоном отвечает Ева.

— Да брось. Ты же знаешь, я всегда получаю то, что хочу. И свое я заберу, — он переводит взгляд с нее на меня. Окидывает пренебрежительным сканом с ног до головы. — А это кто?

Правая рука сама сжимается в кулак.

И тут происходит то, чего я никак не ожидал. Ева делает шаг ко мне. Ее рука ложится на мой локоть. Пальцы скользят по ткани пиджака, сжимаются, притягивая меня ближе. Тепло ее тела прошибает меня током.

— Познакомься. Это Алекс, — ее голос вдруг становится мягким, мурлыкающим, но с такой долей яда, что можно убить слона.

Она поднимает на меня глаза.

— Мой мужчина.

Что, блядь?

У меня в голове с оглушительным треском рушится система координат.

Какой еще, нахрен, мужчина?

Глава 13

«Мой мужчина».

Два слова, и моя профессиональная выдержка летит в кювет.

Ева не просто произносит это. Она делает шаг. Вжимается в меня так, что между нами не остается даже миллиметра кислорода. Тонкий шелк ее платья — ничтожная преграда. Я чувствую жар ее тела, острую линию бедра, напряжение каждого мускула. Запах горьких цитрусов и чего-то сладкого, дурманящего бьет по рецепторам, перекрывая вонь орловского парфюма.

Блядь.

Тело реагирует раньше, чем мозг успевает проорать: «Тактическая ошибка!». Моя рука сама поднимается и ложится на ее талию.

Пальцы скользят по гладкой ткани и замирают на открытом участке спины. Кожа обжигает. Ева едва заметно вздрагивает под моей ладонью. Всего на долю секунды. Снаружи — непробиваемая стерва, а под пальцами — натянутая, дрожащая струна. Она напугана. И использует меня как гребаный щит.

— Да неужели? — Орлов кривит губы. В его глазах плещется откровенное, грязное недоверие. Он проходится по мне взглядом. — Железная леди завела себе ручного питбуля? И как давно у вас этот... роман?

Мои пальцы чуть сильнее сжимают талию Евы. Я чувствую, как она набирает в легкие воздух для ответа, но опережаю ее.

— Давно. Еще вопросы?

Ева чуть поворачивает голову. Ее волосы щекочут мне подбородок.

Орлов щурится.

— И в какой сфере трудится твой... избранник? — он делает ударение на последнем слове, превращая его в оскорбление. — На бизнесмена он явно не тянет. Костюм сидит неплохо, но выправка выдает с потрохами.

Сука. А он не дурак. Просчитал меня. Или, что вероятнее, уже пробил по своим каналам.

— Частный консалтинг, — никакой лжи, просто размытая формулировка. — Решаю проблемы. Острые.

— Военный, значит. Или бывший, — Орлов усмехается, но на шаг отступает. — Понятно. Мускулы вместо мозгов. Что ж, Ева, забавно наблюдать, как меняются твои вкусы.

Он поправляет манжеты. Глаза снова становятся мертвыми.

— Наслаждайся вечером, дорогая. И помни про тендер. Алгоритмы иногда дают сбой в самый неподходящий момент.

Он разворачивается и растворяется в толпе.

Мы остаемся одни.

Я не убираю руку. Секунда. Две. Моя ладонь все еще на ее голой спине. Большой палец машинально поглаживает выступающий позвонок. Это рефлекс. Просто попытка успокоить бьющийся в истерике пульс — ее или мой, я уже хрен разберу.

Она делает шумный выдох. И отстраняется.

Воздух между нами резко становится холодным. Моя рука падает вдоль туловища. Пустота. Идиотское, фантомное чувство потери контакта.

— Какого хрена это сейчас было? — цежу сквозь зубы, нависая над ней.

Ева вздергивает подбородок. В зеленых глазах сверкают искры.

— Это была импровизация! Он лез на рожон. Мне нужно было сбить с него спесь.

— Сбить спесь? — шагаю ближе, загоняя ее в тень между колонной и тяжелой бархатной шторой. Личное пространство стерто. — Вы только что повесили на меня мишень с надписью «Личное». Вы хоть понимаете, как работает мозг у таких ублюдков, как он?

— Прекрати на меня давить! — она упирается ладонями мне в грудь.

Удар. Ее руки на мне. Жарко. Отталкивает, но не убирает ладони.

— Я не давяю. Я объясняю базовые принципы безопасности, которые вы упорно игнорируете! — мой голос падает до хриплого шепота. — Если он заказчик всей этой херни с машиной и угрозами, вы только что дали ему новый рычаг. Теперь он знает, как ударить сильнее.

— Через тебя? — она нервно смеется. Взгляд мечется по моему лицу. — Ты серьезно думаешь, что Сережа поверил в этот цирк? Он знает меня. Знает, что я никого к себе не подпускаю.

— Он мужик, Ева Андреевна. А у мужиков на такие вещи первобытный радар, — перехватываю ее запястье. Не больно, но жестко, отводя ее руку от своей груди. — Он видел, как вы ко мне прижимались. И он видел, как я на это отреагировал.

Она замирает. Рот приоткрыт.

— И как... как ты отреагировал? — вопрос звучит так тихо, что я читаю его больше по губам.

Сглатываю. В горле пересохло. Как я отреагировал? Я чуть не забыл, как дышать, когда ты потерлась об меня бедром. Моя рука до сих пор помнит температуру твоей кожи.

— Так, как должен был отреагировать ваш цепной пес, — чеканю слова, убивая этот наэлектризованный момент. — Показал клыки.

Она выдергивает руку. Взгляд моментально стекленеет.

— Отлично. Работа выполнена, — она поправляет вырез платья, хотя в этом нет никакой нужды. — Он всегда бесился, когда кто-то переходил ему дорогу. В бизнесе или в постели — неважно. Его компания пролетела с тендером, моя забрала контракт. Вот он и язвит.

Смотрю на нее. Как же она пытается все рационализировать.

Она отворачивается к залу, нервно теребя цепочку на шее.

— Мы закончили здесь. Я хочу домой.

— Разумное решение за весь вечер.

Пропускаю ее вперед. И снова этот вид. Идеальная спина, покачивающиеся бедра. Глубоко вдыхаю отравленный чужими духами воздух. Контроль, Алекс. Только тотальный контроль. Иначе мы оба не доживем до конца этого контракта.

Глава 14

Ева

Тяжелая входная дверь захлопывается за спиной с глухим стуком, отрезая меня от внешнего мира. Прижимаюсь затылком к прохладной стали, прикрываю глаза. Просто дыши. Вдох. Выдох. Еще раз.

В кармане пиджака начинает настойчиво вибрировать телефон. Не глядя, нащупываю кнопку, но тут же экран загорается снова. Мама. Три пропущенных. Черт. Если не возьму сейчас, она позвонит в полицию, больницу и Игорю Петровичу лично.

Стягиваю туфли, морщась от ноющей боли в ступнях, и бреду босиком на кухню.

— Да, мам. Привет.

— Ева! Ты вообще на часы смотришь? — голос в трубке звучит так, будто я как минимум совершила государственную измену. — Я звоню со среды! У тебя что, пальцы отвалятся матери сообщение написать?

Бросаю сумку на барную стойку.

— Мам, у меня запуск нового протокола. Я сплю по четыре часа.

— Ой, не начинай свою эту песню про протоколы! — привычно цокает она. — У всех работа. Но нормальные люди еще и живут! Ты ела сегодня? Только честно!

Открываю холодильник. Меня встречает ослепительно-белая пустота, банка оливок, просроченный на три дня греческий йогурт и недопитая бутылка «Шабли». Завтрак чемпионов, мать вашу.

— Конечно. Полноценный ужин. Рыба, овощи, — вру, не моргнув глазом, захлопывая дверцу.

— Врешь. Голос слабый. Опять на своем американо с воздухом сидишь. Ева, я же просила! У тебя гастрит еще со студенчества, доведешь себя до язвы со своими миллионами, и кому они нужны будут?

Начинается. Включаю чайник. Хоть кипятка попью.

— Мам, давай ближе к делу. У тебя что-то стряслось? Давление?

— Давление у меня скачет, когда я о твоём будущем думаю! — она делает драматичную паузу. — Я вчера Наташу видела. Сидорову. Помнишь, с параллельного?

Господи, за что?

— Помню.

— Так вот, она четвертого ждет! Представляешь? Муж на руках носит, старшие в гимназии, сама цветет и пахнет. Квартиру в ипотеку расширили. А ты?

А я руковожу компанией с капитализацией, которая Наташе и не снилась. Но вслух я этого, конечно, не скажу.

— Я безумно рада за демографический вклад Наташи. Передавай ей мои искренние поздравления.

— Ева, не язви! — голос матери дрожит. Та самая стадия перехода от наезда к эмоциональному шантажу. — Тебе тридцать два! Ты домой приходишь — тебя только голые стены встречают. Я же не вечная, Евочка. Я умру, а ты так и останешься одна со своими серверами. Ни внуков мне не подаришь, ни стакана воды в старости не дождешься.

Сжимаю пальцами столешницу. Опять этот липкий, тошнотворный коктейль из вины и раздражения.

— Мам, прекрати меня хоронить раньше времени. И себя тоже.

— А я правду говорю! — всхлипывает. — Тебе статус глаза застит. Ищешь принца какого-то, олигарха. А время идет! Да присмотришься ты к обычным мужчинам. Чтобы не пил,

чтобы плечо надежное. Тебе же просто опора нужна, а не бизнес-партнер в постели! Есть у тебя кто-нибудь на примете? Хоть кто-то?

Смотрю на стену, за которой находится гостевая спальня. Там, в соседней комнате, сейчас сидит двухметровая «опора» с пушкой под мышкой и взглядом серийного убийцы. Идеальный кандидат для знакомства с мамой. А в тумбочке лежит фиолетовый Кролик Роджер. Выбирай — не хочу.

— Нет, мам. Никого нет.

— Евочка... — вздыхает. — Ну нельзя же так. Женщина без семьи высыхает. Я же за тебя боюсь.

— Мам, мне правда нужно идти. Завтра совет директоров, документы не готовы.

— Опять документы. Ладно. Спи давай. И поешь нормально!

Отбиваю вызов. Тишина на кухне вдруг кажется оглушительной. Гудит холодильник. За окном шумит Питер. Я обхватываю себя руками за плечи. «Женщина высыхает». Бред. Я полна энергии, я управляю процессами, от которых зависят сотни людей. У меня всё под контролем. Но почему-то именно сейчас, глядя на пустую гляцевую столешницу, хочется просто сесть на пол и завывать. Одной. Совсем одной. Если завтра меня прирежут на парковке, кто, кроме Макса и Игоря Петровича, вообще запаникует? Мама. И всё.

Одергиваю себя. Стоп, Соловьева. Какая-то дешевая мелодрама пошла. Беру кружку. И тут же замираю. За стеной скрипнула половица. Алекс. Не спит. Бдит. Я не одна в этой гребаной квартире. И от этой мысли почему-то по спине прокатывается совсем не пугающий холодок.

Алекс

Питерское небо сегодня цвета грязного бетона. Сыро, зябко. Приваливаюсь плечом к холодной стойке машины, сканируя улицу.

Двадцать минут до выхода объекта. На двенадцать часов — серебристый «Солярис». Тип за рулем пялится в телефон уже минут сорок. Таксист? Или пасет? Опускаю взгляд на номера. Грязные, но читаемые. Запоминаю на автомате. Дверь открывается, мужик вылезает с бумажным стаканом кофе, пузо висит над ремнем, лицо скучающее. Плетется к урне. Мимо. Обычный офисный планктон.

А вот тонированный «Гелик» в конце квартала мне не нравится. Припаркован в слепой зоне камер бизнес-центра. Двигатель заглушен, но внутри кто-то есть — пепел из чуть приоткрытого окна стряхнули минуту назад. Беру на карандаш.

Стеклянные двери офиса разъезжаются. Ева. Вылетает на крыльцо, как спущенная с цепи пантера. Злая, аж искры летят. Телефон прижат к уху, свободная рука рубит воздух, подчеркивая каждое слово. Задерживается на пять минут против графика. Для нее это нонсенс.

Открываю заднюю дверь. Она ныряет в салон, даже не сбавив шаг, захлопывает за собой так, что амортизаторы тачки жалобно скрипят.

— ...и если через час я не увижу исправленный код, Самохин, ты вылетишь отсюда с волчьим билетом! Я понятно объясняю?! — она рывкает в трубку и сбрасывает вызов.

Швыряет телефон на соседнее сиденье. Откидывает голову на подголовник, массируя виски. Грудь тяжело вздымается под тонким шелком блузки. Красивая. Опасно красивая, когда в бешенстве. Сажусь за руль, блокирую двери. Запускаю двигатель.

— Куда?

Она открывает глаза. Зеленые радужки сейчас почти темные от злости.

— На Уральскую. В гипермаркет.

Глушу двигатель. Поворачиваюсь к ней вполоборота.

— Исключено.

Ее брови ползут вверх.

— Что значит «исключено»? Я тебе маршрут называю, Вороновский, а не мнение твое спрашиваю. Поехали.

— Выходной день. Гипермаркет. Три тысячи квадратов площади, толпа людей, десятки слепых зон между стеллажами. Идеальный полигон, чтобы пырнуть вас заточкой в печень, пока вы будете выбирать макароны. Мы туда не едем.

Она подается вперед. Расстояние между нами сокращается. В нос тут же бьет ее запах — терпкий цитрус, что-то горьковатое и запах чистой кожи. Член мгновенно оживает. Сука. Тело реагирует на нее быстрее, чем мозг успевает включить тормоза.

— Послушай меня, параноик, — шипит, глядя мне прямо в глаза. — Я неделю жру пластиковую доставку. Я хочу нормальных овощей. Я хочу кусок свежего мяса. И я поеду в этот гребаный магазин, потому что там есть фермерский отдел. Ты поедешь со мной и будешь делать свою работу — смотреть по сторонам. Понятно?

Она так близко, что я вижу пульсирующую венку на ее шее. Хочется наклониться и прижаться к ней губами. Просто чтобы заткнуть. Чтобы сбить эту спесь. Стискиваю руль.

— Нет. Мы поедem в «Азбуку» на углу вашего дома. Там есть камеры, охрана на входе и в пять раз меньше людей.

— Там помидоры на вкус как картон! — она всплескивает руками. — Почему ты из всего делаешь военную операцию?! Что у тебя вообще в башке творится?

Она резко меняет тактику. Прищуривается, сканируя мое лицо.

— Кстати. А почему тебя турнули из спецназа?

Вопрос бьет под дых. Без предупреждения. С размаху. Воздух в салоне внезапно становится спертым. Перед глазами на долю секунды вспыхивает картинка: сырой подвал в пригороде Дамаска. Запах сгоревшего пороха, паленой плоти и меди. Дыхание становится поверхностным. Отключить. Заблокировать. Сейчас же.

— Комиссовали, — мой голос звучит плоско. — Здоровье.

Она продолжает сверлить меня взглядом. Видит, что вру. Она умная, стерва. Слишком хорошо считывает микромимику.

— Прямо-таки здоровье? А выглядишь как человек, который может БТР голыми руками перевернуть. Военная тайна, да? Травма, о которой не принято говорить с избалованными клиентками?

Молчу. Смотрю на нее в зеркало заднего вида. Ни один мускул на моем лице не дрогнет. Я эту броню годами наращивал. Она выдыхает, откидываясь обратно на сиденье. Понимает, что пробить не удалось.

— Ладно. Твои демоны — твои проблемы, — она скрещивает руки на груди. Уголок ее губ чуть дергается в подобии усмешки. — В «Азбуку» я не поеду из принципа. Давай компромисс. Супермаркет на Малом проспекте. Народу меньше, фермерский отдел есть. И камер там хоть отбавляй. Устроит вашу параноидальную светлость?

Понял. Развела. Она изначально не собиралась в тот гигантский муравейник. Просто задрала планку, чтобы я согласился на средний вариант. Плюс ткнула палкой в больное место, чтобы сбить с толку.

Тонкая работа. Снимаю шляпу. Включаю зажигание. Двигатель послушно урчит.

— Устроит, Ева Андреевна. Пристегнитесь.

Глава 15

Ева

Первое авокадо на ощупь напоминает сдутый мяч. Второе — кусок гранита. Третье вообще с какой-то подозрительной вмятиной, похожей на пулевое отверстие. Сжимаю несчастный зеленый плод так, что кожа вот-вот лопнет.

— Если вы его раздавите, придется покупать пюре.

Голос Алекса раздается прямо над ухом. Вздрагиваю. Он стоит, небрежно опершись плечом о стойку с манго, но глаза при этом непрерывно сканируют торговый зал. Касса. Вход. Ряды с консервами. Ни секунды покоя.

— Они же дубовые, — швыряю зеленый камень обратно в корзину. — Ими убить можно.

— Взять на заметку как холодное оружие? — он даже не улыбается, но в серых глазах мелькает ирония.

Фыркаю. Хватаю пару упаковок черри, не глядя кидаю в тележку. Сверху летит какой-то салатный микс. Плевать. Лишь бы создать видимость, что я питаюсь не только кофеином и стрессом.

Толкаю тележку в сторону бакалеи, размышляя, взять киноа или булгур. И то, и другое все равно проваливается в шкаф до второго пришествия, но...

— Ева?! Соловьева, мать твою, ты?!

Звук такой, будто кому-то наступили на горло. Медленно оборачиваюсь. Внутри всё обрывается и летит куда-то в район пяток.

Жест. Ленка Сидорова. Десятый «Б». Она надвигается на меня, как ледокол. Раздавша-ся в бедрах размера на три, в какой-то бесформенной флисовой кофте. На бедре висит ору-щий младенец, а за подол цепляется пацан лет пяти, измазанный шоколадом так, что похож на шахтера. Пахнет от этой процессии смесью детской присыпки, дешевого порошка и кислого молока.

— Привет, Лена, — натягиваю свою лучшую улыбку, которая обычно означает «я вас слушаю, но мне плевать». Она бесцеремонно хватается за предплечье свободной рукой.

— Охренеть! Ты вообще не изменилась! Ну, в смысле, такая вся... вылизанная! — она окидывает взглядом мой кашемировый свитер и брюки. — Прямо бизнес-леди! А я вот... ой, стой ты!

Она дергает пацана, который уже тянется липкими руками к упаковкам с макаронами.

— Данька, положи на место, кому сказала! — рывкает Ленка, а потом снова поворачива-ется ко мне с блаженной улыбкой. — Четвертого родила, прикинь? Муж говорит, я теперь как мать-героиня, только вот жопа ни в одни джинсы не влезает.

Четвертого. Охренеть. Мне нужен кислород.

— Поздравляю. Это... большое достижение.

— Да какое там! Пеленки, сопли, уроки. Но зато свое, родное! — она прищуривается, вглядываясь в мое лицо с тем самым токсичным сочувствием, которое свойственно только счастливым домохозяйкам. — А ты-то как? Замуж так и не вышла? Все со своими компьюте-рами возишься?

«С компьютерами возишься». Моя компания стоит больше, чем весь ее родной микро-район.

— Я руковожу ИТ-корпорацией, Лена. У меня нет времени на замужество.

— Ой, да ладно тебе заливать! Времени у нее нет! — Ленка машет рукой так, словно отгоняет муху. — Тебе ж тридцать два! Ты в паспорт-то заглядывай. Деньги — это бумажки, Евка. А часики-то тикают! Яйцеклетки стареют. В сорок лет спохватишься, а рожать уже не от кого и нечем будет.

Мои яйцеклетки свежее твоего лица, Лена. Впиваюсь ногтями в пластиковую ручку тележки. Держи фасад, Ева. Не реагируй.

— Я как-нибудь разберусь со своим репродуктивным планом, спасибо за заботу.

И тут ее взгляд скользит за мое плечо. Глаза Ленки округляются так, что становятся похожи на блюдца. Младенец на ее бедре перестает орать. Алекс. Он шагнул ближе, встав буквально в полуметре от меня. Широкие плечи перекрыли половину прохода. Ледяной, сканирующий взгляд серого волка, оценивающего степень угрозы от женщины с двумя детьми.

— Ого... — Ленка сглатывает, переводя взгляд с него на меня и обратно. Голос тут же падает до заговорщического шепота. — Твой?

Щеки вспыхивают. Жар ползет по шее под воротник свитера.

— Это Александр. Мы... работаем вместе.

— Ага, работаете, — она игриво толкает меня локтем. — Слушай, не тупи. Хватай быка за рога, пока не увели. Мужик породистый, сразу видно. С таким и пятерых не страшно!

Данька с грохотом роняет на пол банку томатной пасты. Стекло вдребезги. Красная жижа брызгает во все стороны.

— Твою мать, Даня! — взвизгивает Ленка, хватая пацана за шкурку. — Евка, рада была повидаться! Не затягивай там!

Она волочет свой выводок в сторону касс, оставляя нас стоять посреди лужи из томатной пасты.

Выдыхаю так, словно минуту просидела под водой. Резко разворачиваю тележку, объезжая красную лужу, и несусь в мясной отдел. Мне нужно кого-то убить. Или хотя бы купить что-то мертвое.

Алекс бесшумно идет следом. Останавливаюсь у холодильников. Запах сырого мяса бьет в нос. Хватаю первую попавшуюся упаковку куриного филе. Потом индейку. Потом еще какую-то вырезку. Швыряю в тележку.

— Четыре ребенка, — цежу сквозь зубы, глядя на кровавые подтеки под пленкой. — Тридцать два года, а она выглядит на полтинник. Зато, сука, счастливая. Свое, родное.

Алекс молча перекладывает упаковки в тележке так, чтобы они не подавили черри.

— Выбор каждого, — коротко отзывается он.

— Выбор? Это приговор. Ты видел ее глаза? Она же ненавидит свою жизнь, но пытается убедить меня, что я ущербная, раз у меня нет орущего прицепа и мужа, который попрекает ее размером задницы.

Разворачиваюсь к нему. Злость и какой-то иррациональный адреналин требуют выхода.

— А у тебя что с планами на размножение? Тоже считаешь, что без детей мужик — не мужик?

Вопрос вылетает раньше, чем я успеваю прикусить язык. Личное пространство? Субординация? К черту. Она там про него такие вещи говорила, у меня до сих пор уши горят.

Алекс замирает. Взгляд становится непроницаемым, как бетонная стена. Скулы каменеют.

— Планировал, — голос ровный, но в нем вдруг появляется металл. — Когда был женат. Но не сложилось.

Жена. Женат. Меня будто окатывают ледяной водой. Я тупо пялюсь на его широкую грудь. Он был женат. Кто-то засыпал рядом с ним. Гладил этот шрам на брови. Делил с ним быт. И почему-то от этой мысли внутри неприятно, остро колет. Какая мне, нахрен, разница?

— Оу, — только и могу выдавить. Выходит жалко. — И... почему не сложилось?

— Не сошлись характерами, — он отрезает так жестко, что становится ясно: тема закрыта наглухо. — В ваши графики дети, я так понимаю, не вписываются?

Смешок вырывается сам собой. Истеричный. Горький.

— В мои графики не вписывается даже восьмичасовой сон, Алекс. Какое материнство? Моя компания — мой ребенок. И сейчас этого ребенка пытаются у меня отобрать, а меня саму — порезать на парковке.

Резко отворачиваюсь от мяса.

— Мне нужен алкоголь. Срочно. Иначе я кого-нибудь сегодня убью, и это будешь не ты. Толкаю тележку в сторону винных рядов.

Алекс

Она несется между стеллажами. Костяшки на руках, сжимающих ручку тележки, побелели. Спина напряжена до предела — тронь, и зазвенит.

Встреча с этой насадкой пробила ее броню. Ева может сколько угодно строить из себя железную леди, для которой существуют только котировки и алгоритмы, но слова про «тикающие часики» задела за живое. Не потому, что она хочет детей. А потому, что она до одури боится признать: за пределами своего стеклянного офиса она абсолютно, тотально одна.

Доходим до винного отдела. Ева тормозит у полок с красным. Взгляд бегаёт по этикеткам. Хватает бутылку сухого за горлышко. Ставит в тележку. Потом вторую. Третью. Какое-то белое летит следом.

— Тормозим, — перехватываю ее руку, когда она тянется за пятой.

Кожа под моими пальцами горячая. Пульс у нее на запястье бьется рвано и быстро. Она дергается, пытаюсь вырвать руку, но я не отпускаю. Просто фиксирую.

— Вы решили открыть филиал бара в гостиную?

Она вскидывает голову. Зеленые глаза метают молнии.

— Отпусти мою руку. Я покупаю вино. За свои деньги.

— Алкоголь — депрессант, Ева Андреевна. И он критически снижает скорость реакции.

— Да неужели? — она шипит, делая шаг ко мне. Между нами остается меньше полуметра. — А мне казалось, это ты у нас отвечаешь за скорость реакции. Я наняла тебя, чтобы ты ловил пули и ножи, пока я буду пить свой чертов шiraz!

Ее несет. Паника, усталость последних дней, страх за компанию — все это сейчас трансформируется в агрессию. И она бьет по единственной доступной мишени. По мне.

— В вашем положении заливать стресс бухлом — худшая тактика, — не повышаю голоса, но смотрю прямо ей в глаза, подавляя. — Если к нам в квартиру залезут ночью, вы должны быть в адеквате, а не в пьяном угаре.

Она наконец выдергивает руку. Грудь тяжело вздымается.

— Вся жизнь — это гребанный риск, Алекс! — голос дрожит, срываясь на злой шепот. — Можно пить смузи, ходить на йогу и сдохнуть от кирпича на голову! Мою машину разнесли в хлам. За мной следят. Дай мне просто выпить бокал вина, чтобы я могла ночью закрыть глаза и не видеть в каждой тени киллера!

Смотрю на нее. Вся ее идеальная броня дала трещину. Губы плотно сжаты, чтобы не дрожали. Дьявол. Она права. Она не солдат. Ее не учили спать в полглаза и жить под прицелом. Ее психика сейчас просто сгорит без предохранителя.

Молча беру из ее тележки две бутылки и ставлю обратно на полку. Оставляю одно красное и одно белое.

— Два бокала, — рублю жестко. — Больше не позволю. Ясно?

Ева переводит взгляд с полок на меня. Желваки на ее скулах играют, но она кивает.

Глава 16

Лифт тащится так, будто мы едем не на пятнадцатый этаж, а на Эверест. Металлическая коробка метр на метр. В воздухе — тяжелая смесь ее парфюма и запаха картона от пакетов с продуктами.

— Дайте сюда, — в третий раз за последние пять минут протягиваю руку к крафтовым ручкам, которые уже впились ей в кожу до красных полос.

— Вороновский, я сказала: сама, — цедит она, глядя прямо на створки дверей. Костяшки белые. Спина — лом.

Упрямая. Убьется, но слабость не покажет.

Створки наконец разъезжаются. Выхожу первым. Привычный скан периметра: площадка, углы, тамбур. Чисто. Щелкаю замком, запускаю ее внутрь, сразу блокируя дверь.

Пока я проверяю комнаты, Ева проносится на кухню. Слышу глухой стук пакетов о каменную столешницу. Следом — звон стекла. Выхожу в гостиную и наблюдаю, как моя идеальная, железобетонная клиентка с остервенением вкручивает штопор в пробку дорогущего красного сухого. Хлопок. Темно-бордовая жидкость с бульканьем льется в два огромных пузатых бокала.

Она сдвигает один по стеклу в мою сторону.

— Будешь? Или по уставу не положено? — смотрит с вызовом.

Вино я не пью. Предпочитаю темное пиво, когда есть время, или чистый виски, когда надо вырубить мозги. Но сейчас отказываться — значит подлить масла в огонь ее истерики.

Беру бокал.

— За что пьем? За вашу выдержку в бакалейном отделе?

Ева фыркает, забираясь с ногами на высокий барный стул. Делает глоток. Большой, совсем не дегустаторский.

— За Ленку Сидорову. И ее гребаное счастье, — она смотрит сквозь бокал на свет. — Знаешь, что самое паршивое? Она стояла там, заплывшая, с орущим спиногрызом на бедре, в какой-то жуткой флиске... и ей реально круто. У нее ипотека до пенсии, муж-слесарь, а она смотрит на меня с жалостью. На меня!

— У вас империя. Деньги, статус. Ей до этого как до луны, — констатирую факт. Пригубляю вино. Кислятина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.